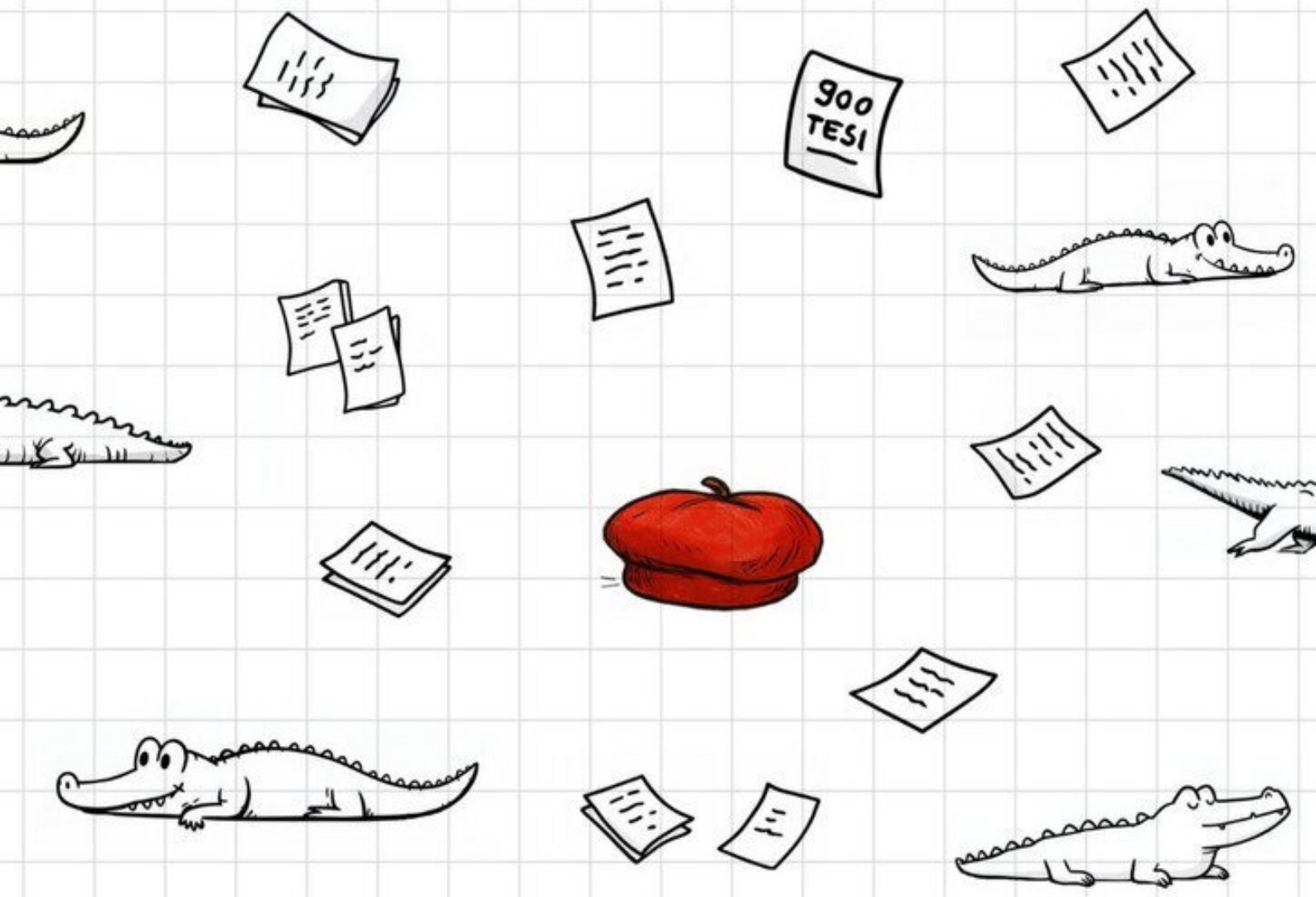

18+

Юлия Калачева

Пико дела Мирандолу съели крокодилы

Юлия Калачева

**Пико делла Мирандолу
съели крокодилы**

«Издательские решения»

Калачева Ю.

Пико делла Мирандолу съели крокодилы / Ю. Калачева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696730-4

«Пико делла Мирандолу съели крокодилы» — иронично-мемуарная проза о взрослении трёх подруг из Хабаровска в 2000-х и начале 2010-х. Книга следует за одногруппницами Вишней, Светой и Галей с университетских лет до первых карьерных шагов, эмоциональных кризисов и поисков себя. На фоне их частных историй проявляется портрет поколения, вступившего во взрослую жизнь на стыке эпох.

ISBN 978-5-00-696730-4

© Калачева Ю.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
История 1. Как остаться без штанов и найти друзей	7
История 2. Про снегопад в марте и прочие сюрпризы	15
История 3. Про первое профессиональное выгорание	20
История 4. Как мы раскрывали преступление	26
Часть 1. Не в своей тарелке	26
Часть 2. Грязное бельё	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пико делла Мирандолу съели крокодилы

Юлия Калачева

© Юлия Калачева, 2026

ISBN 978-5-0069-6730-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Давайте сразу расставим все точки над *i*: я не знаю, почему Пико делла Мирандолу съели крокодилы. В тот день я прогуляла лекцию по философии. Не в день его смерти, разумеется. Когда я пришла на следующую пару, первое, что сообщила мне Галяля, было: «Пико делла Мирандолу съели крокодилы», – и захлебнулась истерическим смехом. И Света вслед за ней. А я... я и знать не знала, кто такой Пико делла Мирандола.

Весь год я то и дело слышала от них о трагической кончине философа эпохи Возрождения, но никто не соглашался объяснить, откуда взялась эта кровожадная версия. Спрашивать было бесполезно, призывать к серьёзности – тоже. Я начинала нервничать, а они только передразнивали меня. Я была в отчаянии. Мне казалось, что в моё отсутствие произошло нечто важное, во что меня принципиально не хотят посвящать. Из-за Пико делла Мирандолы я перестала прогуливать лекции. На всякий случай все, а не только по философии.

После окончания института я вроде бы забыла, что создателя учения о достоинстве человека съели крокодилы. Пока он мне не приснился. Я не имела ни малейшего представления, как должен выглядеть Пико делла Мирандола, что отнюдь не помешало ему явиться мне во сне и напомнить, сколь негуманной была его смерть. Проснувшись, я полезла изучать биографию философа и наткнулась на статью «*Учёные раскрыли тайну гибели Джованни Пико делла Мирандолы*». Я отправила ссылку Гале и Свете, но они дружно объявили статью заказной. И вообще, как это «раскрыли», если ещё за четыре года до выхода статьи было обнаружено, что его съели крокодилы!

Интересно, многие ли помнят бедного Джованни? Сдаётся мне, имя его незаслуженно забывается большинством сразу же после сдачи экзамена по философии или истории Возрождения. Возможно, кто-то, даже не дочитав вступление, бросился искать в интернете, кто такой Пико делла Мирандола и действительно ли его съели крокодилы. Теперь, когда вы вспомнили (или узнали), кем он был и как умер, я считаю свою просветительскую миссию выполненной и, положа руку на сердце, заявляю: никакой другой полезной информации из этой книги вы не почерпнёте.

История 1. Как остаться без штанов и найти друзей

Можно сказать, всё началось, когда нас троих определили в одну группу. Хотя нет. На самом деле, первые три недели мы почти не общались. У каждой была своя компания, и, скорее всего, мы бы так и остались просто одноклассниками, если бы не случай. Дурацкий, конечно же. А какие ещё бывают судьбоносные случаи?

Но обо всём по порядку.

В 2003 году мы поступили на юридический факультет одного из вузов города Хабаровска.

Галяля приехала из Комсомольска-на-Амуре. В самостоятельной жизни первые две недели её сопровождала *маман*. Вечер, о котором пойдёт речь, был для неё особенным: *маман* наконец уехала, и Галяля решила с головой окунуться в ночную жизнь.

Прозвище «Галяля» она получила из-за меня, когда на втором курсе на вопрос преподавателя: «Галя Ли здесь?» – я, совершенно не задумываясь, на одном дыхании выпалила: «Галилинет». Смех стоял такой, что не удержался даже преподаватель. С тех пор Галя стала Галялей и остаётся ею по сей день, даже после смены фамилии.

Раз уж речь зашла о фамилии, поясню сразу: Галя наполовину кореянка. Внешне эта этническая смесь была едва заметна, а культурно – никак не проявлялась, поскольку воспитывалась она в белорусско-татарской семье со стороны *маман*. Отец бросил их через год после её рождения. Сама Галяля говорила, что от корейской родни ей достались только брови и фамилия.

Света была на год младше нас. Её отправили в школу в шесть лет, потому что садик рядом с домом закрыли на капитальный ремонт. Света мечтала заниматься современными танцами, но из-за переизбытка учеников в одной группе и недобора в другой она попала к «народникам». Ещё она хотела поступать в соседний вуз, но там не хватило бюджетных мест. Из всех отраслей права Свету привлекало уголовное, и, как назло, именно этой специализации у нас в институте не было. Когда на неё накатывало депрессивное настроение, она с головой уходила в анализ своего жизненного пути, каждый раз неизбежно возвращалась к ремонту садика, из-за которого, по её мнению, всё и пошло наперекосяк.

Как вы понимаете, третьей была я – Вишня, по паспорту – Анна Сергеевна Вишнёва. Я неисправимая оптимистка и, вероятно, моим девизом должно быть «Зато есть что вспомнить». Именно так я стараюсь воспринимать свои неудачи, потому что со временем любая неприятность превращается в байку – весёлую, страшную или поучительную. Неудивительно, что их у меня накопилось немало.

Я «отмотала» десять лет в одной из лучших школ города – учреждении, упорно державшемся за самые жёсткие и сомнительные практики советской педагогики. Освобождение от гнёта звания «ученицы образцово-показательной школы» с такой силой отпружинило меня в свободную жизнь, что поначалу в ушах звенело от непривычной лёгкости. Всё, что раньше было нельзя, стало можно: цветные колготки, длинные юбки, широкие штаны, джинсы, пёстрые кофты и футболки. В моём гардеробе появилось буйство красок, а на голове – нарощенные афрокосички.

С общественной деятельностью у меня до сей поры не складывалось, но в институте мне вдруг всё стало интересно. Так я оказалась за кулисами фестиваля «Первокурсник» в роли девочки на подхвате.

Света в фестивале участвовала. Когда в первый день учёбы мы заполняли анкеты, она указала, что пять лет била по сцене ногами в красных сапожках, и её тут же рекрутировали. В то время Света подводила глаза в стиле Аврил Лавин, обвешивалась серебром и держалась особняком, предпочитая компанию странноватых парней с технических факультетов. Хоро-

воды вокруг берёзоньки никак не вязались с её мрачным образом, но отказаться она не могла. Света не умела говорить «нет».

В раздевалках царил хаос, знакомый всем, кто хоть раз бывал за кулисами фестивалей и концертов. Одни уже выступили и переодевались в «гражданское», другие только облачались в костюмы. Туда-сюда сновали полураздетые артисты, привыкшие к подобным мероприятиям и совершенно лишённые смущения. Я носилась со списком, проверяя, готова ли к выходу следующая группа. Возле вешалок кто-то отчаянно копался в грудё вещей, чуть ли не подбрасывая в воздух попадавшуюся под руку одежду.

– Ты чего? – спросила я.

Девушка обернулась, и я неожиданно признала в ней свою одноклассницу. Светкины щёки были щедро нарумянены, волосы убраны в пучок, а губы накрашены алой помадой, что резко контрастировало с её повседневным гранж-макияжем. На Свете были белые колготки и серый свитер.

– Брюки мои не видела? Не могу найти.

– Давай искать, – предложила я. – Только не так энергично.

Мы аккуратно перебрали всю одежду, но штаны не нашли.

– Говорю же, их нет здесь! – простонала Света и опустилась на пол. – Ну куда я сейчас без штанов!

К нам подлетела девушка из команды организаторов.

– Что случилось? Нехорошо? – затараторила она, наклоняясь к Свете. – Воды? Может, на воздух? Тут духотища!

– Всё нормально, – прервала я её. – Просто она брюки найти не может.

– Народный танец? – спросила девушка, окинув взглядом яркие Светкины щёки.

Та кивнула.

– Уносили что-то... – девушка огляделась. – Какие-то костюмы. Может, и твои брюки прихватили.

Света подскочила, как боевая лошадь.

– Куда?

– Выйдешь, свернёшь налево, первая дверь – подсобка команды КВН.

– Я знаю, где это. Пойдём!

Я схватила Светку за руку и потянула к выходу.

– Стой! – воскликнула она. – Дай хоть что-нибудь накинуть!

Она поспешно натянула поверх свитера сарафан, в котором выступала.

Дверь в подсобку оказалась не заперта. В углу действительно стояли четыре огромных пакета с одеждой, а остальное пространство было плотно заставлено коробками и реквизитом.

Едва мы переступили порог, как из этого хаоса внезапно возникла наша одноклассница Галя Ли и выкрикнула:

– Вы чего здесь забыли?!

Меня чуть удар не хватил, а Света испуганно пискнула, будто её кто-то ущипнул.

– Господи, – выдохнула я. – Ты что, в засаде здесь сидишь?

– Меня сюда по делу отправили, – отмахнулась она. – Я спрашиваю, вы чего здесь делаете? Сюда вообще-то нельзя, это кавээновское помещение.

– Нам сказали, что сюда отнесли какие-то вещи с концерта. А я свои брюки потеряла.

– Блин, ну посмотрите в этих мешках, – недовольно пробурчала Галя, пнув один из пакетов с тряпьем. – И дверь закрой, пока нас не спалили, – прошипела она мне.

Я ничего не ответила, но дверь закрыла.

Галяля в ту пору носила прямую чёлку, а тёмные от природы волосы красила в платиновый блонд. На ней были полусапожки на высоких каблуках, мини-юбка с рюшами и обтягива-

ющая кофточка с глубоким вырезом. Наряд как с экрана – то ли из молодёжной комедии, то ли из светской хроники на MTV. Так, пожалуй, выглядела бы Пэрис Хилтон, если бы одевалась в торговом центре «Сингапур», разместившемся в здании бывшей швейной фабрики.

Мы принялись копаться в пакетах: в одном – я, в другом – Света. Галяля стояла над нами словно Цербер. Шелестел целлофан, Света что-то бурчала себе под нос, я методично вытаскивала вещи одну за другой.

В коридоре послышались голоса.

– Тихо! – скомандовала Галяля. – Замерли!

Прежде чем я успела возмутиться, она щёлкнула выключателем, и свет погас.

– Э-э-э... – протянула Света.

– Ш-ш-ш, – зашипела Галя.

Голоса приближались.

– ...всё проверить, – донеслось до нас, и дверь открылась.

– Никого, – сказал мужской голос.

Дверь закрылась, и мы отчётливо слышали, как в замке повернулся ключ. Я стояла в темноте и смотрела на Галялю с неммым укором. Света застыла на корточках у пакета.

Когда шаги в коридоре стихли, Галяля включила свет.

– Чего? – непонимающе спросила она, встретившись со мной взглядом.

– До тебя не дошло? Нас же заперли.

– Как заперли? – выпрямилась Света.

– Думаете, я совсем дура? – она закатила глаза. – У меня вообще-то ключ есть!

Она засунула руку за пояс юбки, замешкалась, провела пальцами вдоль внутренней стороны и замерла.

– Я так понимаю, был, – съязвила Светка.

– Ну не ушёл же он гулять, – вздохнула Галяля. – Здесь где-то и остался. Давайте искать!

Я огляделась, оценивая территорию поисков. Надеюсь, она хоть примерно помнит, где его уронила. Иначе нам отсюда не выбраться.

– Нет! – запротестовала Света. – Давайте сначала найдём штаны, потом возьмёмся за ключ, – она указала на два нетронутых пакета.

– Хорошо, – процедила Галяля, склоняясь над мешком.

Какое-то время мы молча шуршали пакетами, потом я спросила Галялю:

– Что ты вообще здесь делала?

– За водкой пришла.

Светка расхохоталась, но Галяля взглянула на неё исподлобья.

– Да серьёзно! Кавээнники днём спрятали. Перед концертом же всех проверяют, вот они и подготовились. Дали мне ключ, попросили забрать.

Я остановилась:

– А нельзя было просто сказать тем двоим, что ты нам помогаешь искать штаны?

Света тоже замерла и уставилась на Галялю.

– Ну не догадалась! – пожала та плечами. – Мы сейчас меня осуждать будем или делом займёмся?.. Ух ты! – воскликнула она, вынимая из мешка жёлтые шаровары в белую ромашку. – Если твои не найдём, подойдут такие?

Света не удержалась – бросив свой пакет, она схватила шаровары и натянула их прямо поверх сарафана. Сарафан задрался, шаровары пузырями топорщились на животе, а Света в таком виде принялась приплясывать, распевая «Танец маленьких утят». Мы присоединились, повторяя знакомые движения.

Нахохотавшись от души, мы вернулись к поискам.

– Слушайте, ну раз уж мы здесь застряли, должна быть какая-то компенсация! – заявила Галяля.

– Штаны себе хочешь забрать? – усмехнулась Светка.

– Не... Сейчас.

Она открыла одну из коробок, стоявших в стороне, и достала бутылку и упаковку пластиковых стаканчиков.

– Чтобы веселее искалось.

– А закусить есть?

Галя порылась в сумке и нашла два мюсли-батончика и жестянку с мятными леденцами.

– Девочки, за посвящение в студенты, – Галяля подняла тост.

– И чтобы мы нашли мои штаны!

– И ключ!

Мы чокнулись пластиковыми стаканчиками, залпом выпили и дружно потянулись за батончиком.

– А ведь я сейчас должна была пить с кавээнщиками, – с грустью в голосе проронила Галя, пережёвывая батончик.

– А я – с информатиками, – вздохнула Света.

– Так эти похитители штанов, считай, спасли твою репутацию! С информатиками! – фыркнула Галяля.

– Зря ты так, хорошие ребята. Поржать с ними можно.

– А с кавээнщиками нельзя?

– У твоих кавээнщиков только понты. Шутки не смешные и четвёртое место по городу стабильно, – заступилась я за Свету.

– Давайте искать мои штаны, пожалуйста! Мне уже всё равно – информатики, кавээнщики, неформалы...

– Вот и зря! – возразила Галяля, подтягивая к себе мешок. – Друзья – это часть имиджа.

Света промолчала, хотя, судя по тяжёлому вздоху, с которым она вновь нырнула в мешок, Галины суждения были ей чужды.

– А почему вы решили пойти учиться на юридический? – спросила я, чтобы перевести разговор на нейтральную тему.

– Математику не надо сдавать, – ответила Галяля, недовольно рассматривая нечто коричневое и лохматое, выуженное из мешка. – Думала, думала и подалась на юрфак. Здесь хоть бюджетные места есть.

– Ты на бюджете? – удивилась Света. Она уже опустошила свой мешок и скидывала обратно вынутые вещи.

– У меня, между прочим, всего три четвёрки в аттестате, – ответила Галяля, бросив косой взгляд на Свету.

– Света, а ты почему сюда пошла? – спросила я.

– В соседний вуз не поступила, – буркнула Света. – Я медалистка, сюда меня взяли по результатам собеседования, а там бюджетных мест не хватило. Был ещё вариант идти в школу милиции, но родители отговорили. Там режим, наряды, патрули... Мне такую картину нарисовали, что я быстро передумала.

– А где твои родители работают? – поинтересовалась я.

– Папа – в центре судебной экспертизы, а мама – в ГУИНе.

– Это что? – переспросила Галяля.

– Главное управление исполнения наказаний, – буднично ответила Света. Мы с Галей переглянулись. – Экономистом, – поспешила добавить она.

– Ясно, – кивнула Галяля. – А ты сама как здесь оказалась? – обратилась она ко мне.

– Так же, как и ты – чтобы математику не сдавать, – вздохнула я. – Я хотела быть журналистом, но в другой город меня родители непустили, а от нашего Педагогического я сама отказалась.

– Ещё по одной? – предложила Галяля. – Напоим Свету – и возвращаться домой без штанов будет не так стыдно.

Мы снова выпили.

– У меня всё! – сообщила я и, на всякий случай, потрясла пакет, как будто брюки могли там спрятаться. – Света, твой мешок последний.

– И у меня ещё четверть пакета, – проинформировала Галя, – но на глаз ничего похожего я здесь не вижу.

– Никаких «на глаз»! – распорядилась Света, не отрываясь от работы. Выглядела она очень сосредоточенной. – Проверяем каждую вещь!

– Диктаторша, – бросила я и принялась убирать костюмы.

Я поднимала с пола предмет одежды, с минуту трясла, потом аккуратно складывала, погружая его в целлофановый мешок, и тянулась за следующим.

Галяля застыла над пакетом, внимательно наблюдая за моими действиями, а затем перевела взгляд на Светку, которая дольше необходимого разглядывала каждую вещь.

– Бабоньки, я что-то не поняла, – сказала она в конце концов, – вы тут до утра сидеть хотите?

– Что? – переспросила я, разворачиваясь к Гале.

– Шевелимся!

– Нет, надо убедиться, что мы ничего не пропустили, – возразила я. – Ключ же наверняка где-то на полу, а мы его сейчас – обратно в мешок.

Галю осенила догадка:

– Вас куда унесло-то? Я не врубаюсь, мы же выпили, – она кинула взгляд на бутылку, – грамм по восемьдесят на человека. Ну максимум по сто!

– Так я же ела в два часа дня, – объяснила я.

– О, я тоже! – Света почему-то обрадовалась.

– Жаль, что у нас нельзя заказать доставку пиццы, как в сериалах показывают, – мечтательно протянула я.

– И как бы мы забрали пиццу, если мы дверь открыть не можем? – задумалась Света.

– Под дверь не пролезет?

Света поднялась и подошла к двери:

– Пицца пролезет, но коробка точно не пройдёт, – сообщила она. – Надо просить, чтобы просунули прямо в щель под дверью без коробки.

– И ты бы стала есть пиццу после того, как её повазюкали по полу?

– Ну да... – Света задумалась. – Можно что-то подложить. Хотя бы это. – Она продемонстрировала извлечённую из пакета красную юбку. – Мы её просунем под дверь, и пусть прямо на юбку положит. Мы потянем...

– Всё, я больше не могу! – простонала Галяля. – Хватит! Мне надо вас догонять, иначе кранты.

Она плеснула себе в стакан и выпила залпом.

– Теперь я дойду до вашей кондиции – и нам будет веселее, – пояснила она. – Кстати, я закончила разбирать свой пакет и ни черта в нём не нашла.

Неожиданно Света замерла, оторвалась от мешка, посмотрела на Галялю и спросила:

– Мне вот что непонятно: почему мы здесь сидим почти час, а твои кавээнщики тебя не ищут?

Я тоже перестала перебирать вещи и обернулась к Гале. Она изумлённо посмотрела на меня, на Свету, затем резко подскочила, кинулась к сумке и достала мобильник.

– Сейчас позвоним Яковлевой, – пробормотала она.

Галяля ждала ответа, пока оператор не прекратил вызов, после чего повторила попытку, но безрезультатно. Лишь в четвёртый раз ей ответили.

В трубке слышалось кокетливое:

– А-а-а-алло-о-о. И чего ты мне звонишь?

– Денис, вы где вообще!

– Как это где?

– Где вы, б...? – выругалась она.

– А ты разве не с нами? – удивлённо спросила трубка.

– Я в вашей кандейке, пошла бутылки забирать.

– В какой кандейке? – поинтересовались в ответ.

– Денис, не тупи! Подсобка ваша, где водка была. Вы ж меня сами попросили пронести!

– А ты что, ещё там?

– Да! Нас закрыли, а ключ я не могу найти. Спуститесь, откройте нас! У вас же есть запасной ключ?

– Ну у Гусева есть, но... это... мы не в универе уже. Мы к Женьке поехали.

Галяля широко раскрыла глаза:

– В смысле?

– Не, Галюнчик, я думал, ты с нами. Подружка твоя тут, я думал, и ты... А ты там одна?

– Нет, с девочками.

– Что за девочки? Может, вы дверь выломаете?

– Какой нафиг «выломаете»! – зашипела Галяля, теряя терпение. – Отправь кого-нибудь с ключом!

– Галюнчик, тише, тише! Я попробую найти Гусева и тебе перезвоню, – пообещал собеседник и отключился.

Мы молча смотрели на Галю.

– Вот Яковлева тварь! – сквозь зубы процедила она.

– Друзья – это часть имиджа, – процитировала Света.

– Да какая она мне подруга, я её знаю три недели, – нахмурилась Галяля и возвратилась к наполнению своего мешка.

– Товарищи, – торжественно провозгласила Света, потрясая пустым пакетом, – я сегодня вернусь домой без штанов!

– Ты погоди, а то, может, ты только завтра вернёшься без штанов, – уточнила я.

– Или вообще не вернёшься, – всхлипнула Галяля.

Я подползла к ней на коленях и обняла:

– Не расстраивайся! Мы ведь ключ ещё не искали. Сейчас быстренько соберём тряпье...

Если не найдём, то поднимем шум, нас найдут и откроют.

– Не поднимем, – утерла она слёзы.

– Почему не поднимем? – удивилась Света. – Ещё как поднимем.

– Нет, – покачала головой Галя. – Мы не можем. Мы же пьяные.

– А-а-а, – понимающе протянули мы со Светой.

– Придут, откроют дверь, а тут мы, бухие, с бутылкой. И вон там в коробке ещё две.

Нас же отчислят сразу.

Света вздохнула:

– Будем ломать дверь.

– Нет, нет, нет, – я замотала головой и отцепилась от Гали. – Так дело не пойдёт! Нам нужен план! Значит, первое, – я подняла вверх указательный палец, – собираем всё барахло по пакетам. Второе, – разогнула средний палец, – ищем ключ. Он должен быть на полу. Если не найдём, то «цэ», – безымянный палец, – звоним Денису.

– Если не дозваниваемся, то ломаем дверь, – подвела итог Света.

– Тогда – за работу! – дала команду Галя.

Когда все костюмы были разложены по пакетам, местность разбита на квадраты и тщательнейшим образом обследована, а ключ так и не нашёлся, пришёл черёд приступить к третьей части плана.

– Звоню Денису! – заявила Галяля.

– Звони, – подтвердила Света. – А я пока посмотрю, что там за замок. Я никогда не вскрывала замки, но кто знает.

Денис после долгих уговоров согласился приехать и лично вызволить нас, но честно предупредил: дорога займёт минут тридцать. Мы с облегчением выдохнули, хотя, кажется, Света немного огорчилась, что ей не дали попробовать взломать дверь.

– Девочки, это самая дурацкая ситуация, в которую я попадала! – заявила Галяля и усе-лась на пол.

– Я вообще домой вернусь в этом, – Света одёрнула подол концертной юбки. – Хотя могу рассказать одну историю, пожалуй, даже более дурацкую.

Мы с Галялей энергично закивали.

– Наш ансамбль поехал на конкурс в Благовещенск, а я опоздала на поезд. Родители из дома выехали поздно, и всё – поезд ушёл. В прямом смысле. Но папа не сдаётся, запикивает нас в машину и бросается догонять поезд. Ближайшая остановка – в ста километрах от города. Успели мы туда добраться как раз к прибытию поезда. Врываемся мы, значит, на перрон. Папа – он у меня высокий и худой, как жердь, – в одной руке сжимает плечики с костюмами, другой – вцепился в меня и тащит за собой. Меня душит ремень от сумки, ноги не успевают. Чувствую, что сейчас рухну, и он меня вместе с сумкой поволочёт по платформе. Впереди процессии бежит раскрасневшаяся мама и в вытянутой руке держит билеты. Сует их проводнице, а папа тем временем закидывает в вагон сначала меня, потом костюмы. Проводница внимательно рассматривает билеты и спокойно говорит: «Сегодня двадцатое». Родители смотрят на неё, она – на родителей. Молчание. Я в тамбуре со своими пожитками, наблюдаю сцену сверху и не пойму, в чём дело. Может, у неё профессиональный праздник, поздравлений ждёт? Проводница, видя наши тупые лица, говорит: «Сегодня – двадцатое, а билеты у вас – на двадцать первое».

Мы покатались со смеху.

– Зато на следующий день мы были первыми на вокзале.

– Ой, я просто королева невезения! – призналась я. – Постоянно всё идёт наперекосяк: то меня автобус грязью окатит по дороге на олимпиаду, то приходится через забор лезть... А этим летом в Приморье, представьте, я забыла чемодан в багажном отсеке автобуса. Просто вышла и пошла налегке!

– Девочки, – перебила меня вдруг Галяля, – извините, но у меня проблема. Я хочу в туалет.

Я взглянула на часы:

– Вроде Денис твой минут через десять-пятнадцать должен приехать.

– Мне нельзя терпеть, у меня почки больные, – объяснила она. – Вернее, можно, но недолго. И это «недолго» уже прошло.

Мы растерянно переглянулись.

– Ну, возьми пластиковый стаканчик и спрячься вон за те коробки, – предложила Света. – А мы с Анчиком к двери отойдём, чтобы тебя не смущать.

Я закивала.

– Только уши ещё закройте, – жалобно попросила Галяля, поднимаясь с пола.

Мы отошли к двери и даже повернулись лицом к стене, хотя Галялю всё равно не было видно за коробками. Несмотря на все ухищрения, мы всё же услышали лёгкий металлический звук – будто на пол что-то упало.

– У тебя там что, пояс верности? – не выдержала Света.

Тишина.

Мгновение спустя меня ударили по плечу. Я развернулась и столкнулась со Светой. Напротив стояла Галя и смущённо смотрела на нас. В её руке был ключ.

– В колготки провалился, – озадаченно сообщила она. – Я колготки приспустила, он выпал.

Света остолбенела. Я молча вставила ключ в замок. Он легко повернулся, и дверь открылась.

Мы на мгновение застыли, а потом до нас дошло – мы свободны!

На первом этаже, похоже, не было ни души, иначе на наши радостные вопли кто-то уж точно прибежал бы. Когда эмоции улеглись, Галяля кинулась в туалет, а мы со Светой – в раздевалку, за сумками. На выходе пришлось объяснять охраннику, почему мы не ушли вместе со всеми. Сказали, что отвечали за костюмы, а их после выступления надо было аккуратно разложить и пересчитать. В общем-то, почти не соврали.

– Эх, – вздохнула Галя, когда мы выбрались на улицу. – Вот почему я такая дура?

Света рассмеялась:

– Захотела бы ты раньше в туалет – мы бы и вышли раньше.

– Вы завтра что делаете? – спросила Галяля.

– У меня никаких планов.

– У меня тоже.

– Может, в кино сходим?

– Только не на ужастик, хватит с меня!

– Что-нибудь смешное идёт?

– Надо афишу посмотреть.

– Встретимся в центре и сразу решим.

– Дайте, я ваши номера запишу!

Фонари отбрасывали длинные тени на усыпанную жёлтыми листьями аллею, по которой шли три девушки и живо что-то обсуждали. Та, что по центру, подхватила подол длинной юбки и вприпрыжку побежала вперёд. Вторая, с сотней цветных косичек, звонко рассмеялась и бросилась за ней. Третья, на каблуках, ускорила шаг и крикнула им вслед: «Я не побегу! Подождите меня!»

P. S. Брюки, кстати, исчезли навсегда.

История 2. Про снегопад в марте и прочие сюрпризы

Погода сошла с ума. Всю зиму мы терпеливо ждали снега, но природа не расщедрилась больше, чем на сантиметровый слой белой крошки, которую тут же сдувало ветром в неизвестном направлении. Снега едва хватало, чтобы прикрыть бесстыжую наготу некогда зелёных зон. Даже за городом было непривычно серо: выцветшая прошлогодняя трава, голые деревья, чёрные поля до горизонта – словно всё вокруг застряло в бесконечном межсезонье.

Шестнадцатого марта мой завтрак прервал мамин возглас:

– Анютка, ты только посмотри!

Я отложила бутерброд и бросилась в комнату. Мама стояла у приоткрытого окна. Я поднырнула под штору... и ахнула.

За ночь всё преобразилось. Снаружи было неожиданно светло. Опостылевшая серая палитра исчезла, уступив место мягкому, рассеянному сиянию. Ели понуро склонили ветви под тяжестью свежего снега. Крыши домов, карнизы, перила балконов – всё было укрыто ровным, пушистым слоем.

Я зачерпнула ладонью холодный снег, слепила снежок и бросила вниз. Он упал в рыхлый сугроб и начал медленно оседать, словно погружаясь в трясину.

– Дождались, на свою голову, – вздохнула мама, отодвигая штору.

Кажется, город не ожидал, что зима ещё вспомнит о нём. Снегопад вызвал настоящий транспортный коллапс: легковушки с душераздирающим рыком буксовали на подъёме, беспомощно вращая колёсами в рыхлом снегу, а время от времени мимо них невозмутимо проезжали внедорожники. Народу на моей остановке собралось немерено. У каждого на лице читалось явное намерение бороться за место в автобусе, и, если потребуется, пускать в ход локти и каблуки. Первые три автобуса прошли мимо, набитые горожанами до отказа. Ни одно живое существо крупнее морской свинки не сумело бы пробраться в салон.

В ожидании следующего автобуса я задумалась, так уж ли мне надо ехать сегодня в институт? Вероятно, я бы сдалась под гнётом обстоятельств, если бы не культурология. Эта женщина – преподавательница, разумеется – наводила ужас на всех студентов. Даже однократное отсутствие на лекции лишало права на «автомат» – единственную возможность получить «отлично». Реальнее представлялось расшифровать письменность долины Инда, чем сдать её курс, имея пропуски. Так что в свете инквизиционных – ах, простите – экзаменационных пыток, перспектива провести сорок минут в переполненном автобусе уже не казалась такой пугающей.

Впрочем, от мук выбора меня избавило общество. К остановке подошёл – о чудо! – пустой автобус, и в двери хлынула толпа, унося с собой и меня.

Кто хоть раз ездил в переполненном автобусе, знает: законы физики внутри него перестают действовать. Чем иначе объяснить, что моё тело занимало пространство в несколько раз меньше собственного объёма? И как я проехала восемь километров, стоя на одной ноге, доставая до поручня только во время затяжного поворота вправо, а при повороте влево удерживала равновесие исключительно силой воли?

Из автобуса я вышла с видом человека, пережившего приём у стоматолога – со смесью облегчения и страха скорого возвращения.

– Я, значит, не знаю, за что схватиться, чтобы окончательно не завалиться, – гневно рассказывала Галяля, – а она расселась, как королева, и заявляет: «Девушка, не мните мне шапку!»

– И ты промолчала? – удивилась Света.

– Я бы ответила, да кто-то мне своим капюшоном по морде елозил, – поморщилась Галяля. – До сих пор пух на помаде, – двумя пальцами она сняла с губ невидимую ворсинку.

– А я видела, как пассажиры толкали автобус, – вздохнула Света.

– Надо же! И что, вытолкали? – заинтересовалась я.

– Не знаю, я мимо проезжала, – Света задумчиво уставилась в окно аудитории. – Я думаю, как домой добираться? Интересно, трамваи ходят?

Из-за соседней парты донеслось выразительное ругательство нашего одноклассника Ежова, означавшее, что трамваи не ходили.

– Авария на путях, – мрачно пояснил он. – Проехали две остановки и встали.

– Я пешком пойду, – протянула Галяля, глядя в окно. – Лучше полчаса пешком по сугробам, чем снова, как селедка в бочке...

– «Снегопад, снегопад, всё звено выходит в сад», – продекламировала Света.

– «Листопад», – машинально поправила я.

– «Снегопад» тоже в рифму, – вздохнула она.

– Вдруг ещё почистят? – с надеждой в голосе предположила я.

Дорога была пустой: ни машин, ни трамваев, ни снегоуборочной техники. Только одинокий дворник у остановки методично раскидывал снег лопатой.

– Может, лыжи на кафедре физкультуры одолжим? – предложила Светка.

– Ещё на лыжах я домой не возвращалась! – наморщила нос Галяля. – Вишня, ты на лыжах умеешь?

– А чего там уметь – иди себе прямо и иди.

– А в горку?

– В горку тоже прямо, но вверх.

К трём часам стало ясно, что ситуация плачевная. Снегоуборочная техника прошла, но автобусы с дороги исчезли. Толпа на остановке между тем только росла, и я уже мысленно готовилась к очередному антигравитационному путешествию в переполненном салоне.

Вдалеке показалась маршрутка. Толпа мобилизовалась, готовясь к штурму, но по мере приближения «Газели» энтузиазм начал угасать и люди один за другим разочарованно отступали назад.

Маршрутка остановилась. Я заметила два свободных места, решительно дёрнула дверь и втокнула Свету внутрь. Та едва не ударилась о низкий проём, но вовремя пригнулась. Мы плюхнулись на сиденья, и машина тронулась.

– А куда она вообще едет? – с опаской спросила Света.

– Сейчас узнаем, – ответила я, выискивая глазами номер маршрута.

– Вишня, ты затащила меня в автобус, даже не зная, куда он идёт? Ещё и проезд пятнадцать рублей, ты посмотри! – возмущённо прошипела Света, тыкая в листок с ценой.

– О, идёт через развязку, – обрадовалась я. – Там пересядем и по Карла Маркса, прямо домой...

– На Карла Маркса авария. В сторону центра не проехать, – сообщала женщина с соседнего сиденья. – Лучше выходите у ГАИ.

Так мы и поступили. Во втором автобусе свободных сидячих мест не имелось, зато ехал он в нужном направлении. Правда, на подъезде к вокзалу водитель объявил, что дальше автобус не поедет.

Света, стараясь не привлекать внимания других пассажиров, с досадой зашептала себе под нос:

– Зачем я только согласилась с тобой ехать... Уже давно была бы дома. Лежала бы сейчас на диване, а не моталась по городу, спуская деньги на автобусы.

Я попыталась её утешить и предложила пойти пешком. До её дома осталось меньше двух километров, а я, так и быть, прогуляюсь за компанию.

– Тогда по пути заглянем в кафе, – предложила Света. – Здесь рядом есть одно, со свежими соками.

Кафе оказалось крошечным: узкое помещение с барной стойкой и двумя высокими столиками у окна. Мы были единственными посетителями. Я заказала молочный коктейль с ананасом, а Света апельсиново-морковный сок. Пока нам готовили напитки, в кафе вошёл молодой человек и встал прямо за моей спиной. Я машинально шагнула вперёд – терпеть не могу, когда кто-то дышит в затылок. Света продолжала рассказывать что-то про нашу преподавательницу по философии, а я поглядывала на стойку, мысленно поторапливая барменшу.

Когда заказ наконец был готов, мы отошли к столику.

– Хочешь попробовать? – Света подвинула мне свой стакан.

– Не люблю морковный сок, – я невольно скривилась. – Меня им в детстве насильно пичкали. Трёхлитровыми банками закупали. Хочешь коктейль?

– Ой, у меня только-только горло прошло, куда мне!

– Да он вообще не холодный, – сказала я, пробуя коктейль.

– Какой-то он водянистый, – Света с подозрением заглянула в мой стакан.

– Наверное, из-за ананаса, – беспечно пожалала я плечами. – Вкус нормальный.

Тем временем парень из очереди устроился у соседнего столика, явно прислушиваясь к нашему разговору. На нём был длинный серый пуховик, выдавший не одну зиму, а из бокового кармана торчала вязаная шапка. Джинсы были заправлены в массивные армейские берцы. Сочетание казалось несуразным. В то время джинсы в высокие ботинки заправляли только самые смелые модники, пуховик же, очевидно, не мог претендовать на «последний писк».

Мы со Светкой уже направились к выходу, когда парень вдруг шагнул вперёд и перегородил нам дорогу.

– Девушки... простите, – пролепетал он. – Я тут... наблюдал за вами.

«А то мы не заметили», – мысленно прокомментировала я, но вслух ничего не сказала.

– Знаете, вы... вы – ангелы.

Сказано это было с такой искренней, блаженной улыбкой, что мы со Светкой невольно прыснули.

Он не обиделся, наоборот, только ещё сильнее воодушевился:

– Зря вы смеётесь! Вы просто не понимаете, насколько вы прекрасны. Вы – настоящие ангелы.

– Ты слышала? – обратилась я к Светке. – Я – ангел!

– Спасибо, – вежливо, но сухо сказала Света и потянула меня к выходу. – Нам пора.

– Не уходите, пожалуйста, – парень чуть наклонился вперёд, как будто собирался раскрыть нам величайшую тайну. – Я хочу вам рассказать...

Света крепко сжала мою руку, подталкивая к двери.

– Извините, – напряжённо сказала она. – Мы опаздываем.

– Я должен сказать вам... Все девушки – ангелы, – выпалил он, словно боялся не успеть.

– Так уж и все? – вырвалось у меня. Светка стиснула мою руку сильнее.

– Конечно! – без тени иронии подтвердил он. – И вы, – кивок Свете. – И вы, – кивок мне. – И все девушки на земле.

Света настойчиво тянула меня к двери.

– Ну, мы пошли, – пожалала я плечами и снова шагнула к выходу.

– Подождите! – не отступал он. – Я вам докажу!

С той же умиротворённой улыбкой он сунул руку за пазуху.

Клянусь, всё, что произошло дальше, заняло секунды, но, как бывает в подобных ситуациях, время резко замедлило ход.

Пока он вытаскивал руку, я отчётливо поняла – нам конец. Это псих. Вооружённый псих. Сейчас он нас к ангелам и отправит.

Что делать? Броситься бежать? Ударить его по руке, пока он не достал оружие? Но если у него пистолет, любое резкое движение – и всё.

Какой пистолет, наверняка это нож! Сейчас достанет и пырнёт.

А где барменша? У неё должна быть тревожная кнопка под стойкой!

И вот он вынул руку из внутреннего кармана пуховика – в ней был зажат... компакт-диск. Самый обыкновенный компакт-диск, в прозрачной пластиковой коробке.

Он протянул его нам.

– Возьмите, – сказал он с той же невыносимо спокойной улыбкой.

Мгновение мы просто смотрели на него, не веря своим глазам. Потом Света, с лицом блее мела, выдавила:

– Что... это?

– Запись церковного хора, – вдохновенно произнёс он. – Девушки поют. Как только вы их услышите, вы поймёте, что они – настоящие ангелы! Возьмите! – он почти умолял, протягивая диск.

– Нет-нет, – замотала я головой. – Нам даже слушать его не на чем. Компьютер сломался. А больше нигде.

Он не сдавался:

– Тогда приходите в храм. Каждое воскресенье они поют. Их голоса – как свет. Они очищают душу.

– Да-да, обязательно, – быстро кивнула я.

Мы бросились к выходу, не заботясь о вежливости, только бы оказаться на улице, под открытым небом, среди людей.

Когда за спиной хлопнула дверь, Света тяжело выдохнула:

– Господи... Я уже просталась с жизнью. Клянусь, я видела, как он достаёт оружие.

– Ага! Он же эту руку из-за пазухи тянул целую вечность!

– Зачем я вообще поехала в институт! – простонала Света. – Сидела бы дома, читала книжку... Всё из-за культурологини! Гори она в аду.

– Культурологиня – тоже ангел, – возразила я. – Так что, не получится.

– Она давно не девушка и свой ангельский лимит исчерпала! – буркнула Света.

Тут я невольно оглянулась. В нескольких метрах позади, не торопясь, с тем же блаженно-отрешённым выражением лица, брёл наш новый знакомый.

Я потянула Светку за рукав:

– Слушай... он за нами идёт.

– Вишня, он точно псих. Что делать? – вполголоса сказала Света, озираясь.

– Спрячемся в торговом центре? – предложила я.

– Давай! Там людно.

Я всё надеялась, что он просто устанет и оставит нас в покое. Но нет. Он продолжал идти за нами следом, не ускоряясь, но и не отставая.

В торговый центр мы почти вбежали. И сразу, не сговариваясь, свернули в парфюмерный отдел, откуда открывался отличный обзор на главный вход.

– Может, побоится заходить? – прошептала Света, выглядывая из-за витрины.

– Наверное, пока дойти не успел. Давай подождём.

– Или просто на улице стоит, – мрачно буркнула подруга. – Так и будем ждать друг друга: он нас снаружи, мы его – внутри.

Люди входили и выходили, но нашего преследователя не было. Немного успокоившись, мы осмелели и вышли в фойе. Сквозь стеклянные двери был виден кусок улицы. Снаружи курили двое мужчин, но больше – никого.

Мы переглянулись:

– Ну что, выходим? – спросила я.

– А если он в стороне стоит? Специально, чтобы мы его не увидели через дверь.

– Тогда забежим обратно.

– Лучше выйдем через супермаркет, – предложила Света. – А там – на парковку и во дворы.

Осторожно, почти крадучись, мы вышли из супермаркета и проскочили на открытую парковку.

– Кажется, никого, – сказала я, окидывая двор быстрым взглядом.

Светка жила буквально в двух минутах от торгового центра. Мы вместе дошли до угла её дома, но всё же я настояла, чтобы она написала мне, как только окажется в квартире.

Я успела добраться до ближайшего перекрёстка – оглядываясь каждые десять шагов – когда телефон коротко звякнул:

«Я дома. Что у тебя?»

«Вроде всё ок», – ответила я.

Лишь через два квартала, убедившись, что за мной никто не идёт, я наконец почувствовала, как напряжение отпускает.

Дома я скинула обувь, куртку, сумку, бросила прямо в прихожей и без сил рухнула на диван. Проспала я недолго. Родителей ещё не было, когда меня внезапно накрыла резкая волна тошноты. Я едва успела добежать до ванной.

Следующие три дня я провалялась дома с пищевым отравлением.

Видимо, дело было не в ананасе.

Когда я снова вышла на улицу, от снега не осталось и следа.

P. S. «Автоматы» по культурологии мы всё-таки получили.

История 3. Про первое профессиональное выгорание

– Двадцать первого мая состоится городской конкурс чтецов, – объявила учительница. – Нашу школу будут представлять два человека. От младших классов выступит Светочка Протодьяконова, которая с успехом прошла районный этап.

Родители начали оглядываться в поисках Светочкиного папы, притаившегося на последней парте, подальше от взгляда классной руководительницы.

«Только попробуй притащить домой шторы! Сам будешь их стирать и гладить», – пригрозила перед собранием жена. Такого досуга Светин папа не хотел, поэтому и забрался на «Камчатку».

– У Светы хорошая дикция и выразительность исполнения. Мы думаем, что и на городском конкурсе её ждёт успех, – продолжала учительница.

Наверняка кто-то из родителей подумал, что с фамилией Протодьяконова волей-неволей начнёшь развивать речь с раннего детства.

– Борис Геннадьевич, я вас не вижу.

Борис Геннадьевич нехотя отодвинул детский стульчик и вытянулся в полный рост, оказавшись выше шкафа с пособиями.

– Нужно выучить новое стихотворение, не менее двадцати строк. Подойдите ко мне после собрания, я покажу несколько примеров.

Он уже начал опускаться обратно за парту, решив, что опасность миновала, как вдруг классная добавила:

– И шторы мне поможете снять?

– Снять – помогу, – ответил Борис Геннадьевич. – Но жена завтра уезжает на учёбу, а у меня командировка... в Нанайский район, – добавил он, розовея.

Нанайский район всплыл как нельзя кстати – в последний момент, благодаря рисункам с детьми в костюмах народов Приамурья, украсившим кабинет. Насчёт жены он не соврал. Её действительно отправляли в Москву почти на месяц.

Учительница оглядела класс в поисках новой жертвы.

Дома мама внимательно просмотрела список стихов.

– Ерунда какая-то, – критично заметила она. – Тебе самой нравится? – обратилась она к Свете.

Та недовольно покачала головой. Стихи из хрестоматии были либо слишком короткими, либо скучными.

Отправив Свету спать, мама принялась штудировать семейную библиотеку. В конце концов она остановилась на Есенинском «Кузнецке», с чувством выполненного долга вложила закладку и оставила книгу на Светочкином столе.

За три дня до конкурса папа вспомнил, что дочь должна готовиться к выступлению. К счастью, Света зря времени не теряла. Она достала книгу и уверенно открыла нужную страницу. Папа взглянул и ужаснулся – стихотворение было длиннющим, с витиеватыми оборотами, да и с каким-то странным посылом.

– Вы это выбрали? – удивлённо спросил он. – Не чересчур ли сложно для третьего класса?

– Папа, это же городской конкурс, – с достоинством возразила Света, поднимая палец к потолку.

Дочь всё рассказала без запинки, чётко, эмоционально, с паузами в нужных местах, и Борис Геннадьевич на время успокоился.

Накануне выступления позвонила мама. Папа отчитался по бытовым вопросам, а потом осторожно поинтересовался:

– Валь, по поводу стихотворения. Мы, конечно, выучили, но зачем ты выбрала такое сложное?

– А тебе не нравится? По-моему, хорошее стихотворение для конкурса.

– Да оно какое-то... взрослое.

– Это тебе так кажется. Дети всё по-другому воспринимают. К тому же Есенин всегда легко запоминается.

– Какой Есенин? – переспросил папа. – Ты ей Блока оставила.

– Какого Блока? – На другом конце провода и страны мама почувствовала резкую необходимость присесть.

– Валя, ты что, книги перепутала?

Мама судорожно восстанавливала в памяти события. Она перелопатила четыре сборника. Три книги вернула в шкаф, одну – серую – оставила у Светы на столе...

– Так, – выдохнула она, подвигая к себе табуретку, – рассказывай, что вы там выучили.

Конкурс проходил в десять утра, в будний день, поэтому папа не смог засвидетельствовать Светочкин фурор. Зато пришла бабушка – Заслуженный врач РСФСР Протодяконова Любовь Евгеньевна, интеллигентнейшего вида пожилая дама с коротко стриженными сиреневыми кудрями. Она гордо заняла место во втором ряду – как оказалось, рядом с директором школы – и приготовилась приобщаться к прекрасному.

Программа оригинальностью не блистала: преобладала тема Великой Отечественной, хотя девятое мая уже прошло, и Пушкин, день памяти которого ещё не наступил.

– Опять, – сдержанно вздохнула бабушка, когда на сцену вышел мальчишка с очередным отрывком из «Василия Тёркина», – хоть бы темы распределяли, – шепнула она директрисе.

Та мгновенно оценила, с кем имеет дело, и понимающе прошептала:

– И так каждый год.

Любовь Евгеньевна неодобрительно покачала головой.

Отрывок из «Тёркина» закончился, тец поклонился и ушёл.

Наконец объявили выход Светы. На сцене появилась русоволосая, щупленькая девочка с двумя тоненькими косичками, в синей плиссированной юбке и белой блузе с пышным жабо.

– Моя внучка, – с гордостью прошептала Любовь Евгеньевна.

– Наша ученица, – ответила директриса.

Света встала в центр сцены, расправила плечи, глубоко вдохнула и начала:

«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух.

Да, таким я и буду с тобой:

Не для ласковых слов я выковывал дух,

Не для дружб я боролся с судьбой».

С каждой строчкой лицо Любви Евгеньевны всё больше вытягивалось. На словах «... печальная власть бунтовать ненасытную женскую кровь, зажигая звериную страсть» она просто закрыла глаза и мысленно прокляла младшего сына. Тем временем директриса напряжённо прикидывала, как будет объясняться в районном управлении образования.

– Вы только послушайте, Виктор Германович, – раздался за спиной восхищённый шёпот. – Какая у девочки хорошая дикция! Даже слова «пылая, ждала, треволеньям отдаться спеша» очень чётко произнесла.

– Да-да-да, – затараторили в ответ. – И тембр приятный. Нам подойдёт.

*«Ты – железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам»»,*

– закончила декламировать Света.

Повисла тишина.

Света поклонилась, как учили. Из зала неуверенно раздались первые хлопки, за ними – всё более дружные аплодисменты. Зал постепенно приходил в себя. А Любовь Евгеньевна мысленно репетировала выволочку, которую она устроит своему сыну.

Следующий участник стабилизировал обстановку классическим Пушкиным.

Света заняла второе место.

– Я тебя умоляю, – прошептала Свете побледневшая учительница, – поменяй стихотворение. Не надо ехать с этим на краевой конкурс. Можно же подобрать что-то... более соответствующее твоему возрасту?

– Я прослежу, – заверила Любовь Евгеньевна голосом железным, как та маска.

В этот момент к ним подошли двое.

– Меня зовут Виктор Германович Залесов, – представился мужчина, – а это – Людмила Сергеевна Новикова, – он указал на свою спутницу. – Мы ищем ребёнка для детской радиопередачи и хотели бы пригласить вашу внучку на пробы.

Любовь Евгеньевна подумала, что ещё рано вычеркивать младшего сына из завещания, и записала контакты Залесова.

Пробы прошли спокойно. Свете нужно было всего-навсего выразительно прочитать текст, разыграть короткий диалог с партнёром и сделать пробную запись голоса.

Вскоре после проб Протодьяконовым позвонили и предложили отдать ребёнка на радио. Не насовсем, только в установленных законом пределах.

Научно-познавательная передача «Скажи-ка, дядя» выходила в эфир три раза в неделю на государственном радио и была рассчитана на детей от семи до двенадцати лет. В каждом выпуске дядя Ваня (в миру – Иосиф Ааронович Таль) и Света расширяли кругозор юных слушателей. Обычно сюжет строился на том, что Света чего-то не понимала или сталкивалась с неожиданным вопросом, за разъяснением которого обращалась к дяде Ване. Тот, в меру своих знаний, объяснял псевдоплемяннице суть явлений, а затем подключал эксперта, который окончательно проливал свет на ситуацию.

То ли из-за недостатка тем, то ли финансирования, спустя год передача сначала стала выходить раз в неделю, а затем и вовсе с перебоями. В конце концов, в связи с эмиграцией дяди Вани-Иосифа в Израиль, программу закрыли.

Так, в возрасте десяти лет, Света впервые осталась без работы.

На втором курсе Света случайно столкнулась в коридоре университета с бывшей коллегой. Удивительно, но та узнала её первой, хотя прошло семь лет, и Света сильно изменилась.

– Я уже давно на коммерческом радио! – рассказывала знакомая. – Слушай, мы как раз ищем ведущих. Приходи на кастинг!

Света решила снова попробовать.

За кастингом последовало обучение, стажировка и только потом – допуск к эфиру. Чтобы совмещать радио с учёбой, Света заранее попросила не ставить её в эфиры во время пар, с восьми до трёх. Но её просьба оказалась излишней: новичкам никто и не собирался отдавать дневные часы. Обычно её смены выпадали на раннее утро или поздний вечер, почти ночь.

Детская радиопередача, где любой неудачный фрагмент можно было переписать, совсем не походила на работу в прямом эфире. Здесь требовалось постоянно следить за речью, держать

концентрацию и реагировать мгновенно. Ошибаться было нельзя. И всё же Света любила это напряжённое, чуть волнующее ощущение живого контакта со слушателем.

На первых порах Света была полна энергии. Она ловко балансировала между работой и учёбой, закрыла летнюю сессию автоматом, а во время каникул с готовностью подменяла ушедших в отпуска коллег.

Но с началом осеннего семестра огонь в её глазах стал постепенно угасать. Вставать приходилось в половине пятого утра, чтобы в шесть уже сидеть у микрофона, а потом бежать напрямиком на пары. Иногда эфиры выпадали дважды в день, а добираться на работу было настоящим испытанием. Студия находилась на отшибе, путь от остановки тянулся мимо пустырей, гаражей и полузаброшенных складов. Ходить пешком было откровенно страшно. Оставалось только такси.

Постепенно очарование профессией рассеивалось. Работа, которая раньше казалась живой и творческой, превращалась в рутину. Эфиры шли один за другим как по накатанной, по чёткому шаблону, отступить от которого было невозможно. Одни и те же рубрики, структуры выпусков, даже композиции в плейлисте. Света всё чаще ловила себя на мысли, что проживает один бесконечный день. Она всё больше чувствовала себя роботом: темами, сценариями, гостями занимались редакторы, а её задачей было сидеть у микрофона и произносить текст.

Усталость накапливалась. Света стала чаще ошибаться и терять концентрацию. За каждой оговоркой или заминкой следовал приступ самоедства, от чего напряжение только усиливалось. А звучать нужно было бодро и жизнерадостно, независимо от самочувствия.

К концу третьего курса Света добралась совсем на исходе сил. Она жила в бесконечном цейтноте: дом – радио – учёба – снова радио. Последней каплей стала физкультура. Нормативы не сдал никто, и физрук категорически отказался ставить зачёты всей группе. Видимо, решил отыграться перед окончанием курса. Мы две недели таскали с собой форму, пытались выловить физрука и пересдать нормативы, но он будто испарился. В итоге именно Света, наша тихая, миролюбивая Света, повела отряд из тридцати девиц к заведующей кафедрой физкультуры и вежливо, но жёстко заявила, что это безобразие пора заканчивать. Из кабинета мы вышли с зачётами.

– Я так больше не могу, – чуть не плача, жаловалась Света. – А что будет, когда начнётся практика?

На лето нам назначили производственную практику. Галялю уже ждали в юротделе маминной компании, а меня – в Речпорту, где я в итоге появилась дважды: в июле – чтобы услышать, что они без меня справятся, и в сентябре – чтобы поставить печать на отчёте. Света же упорно держалась за своё решение идти в следствие.

В её представлении эта работа напоминала головоломку, где важны логика и внимательный анализ фактов. Настоящий исследовательский интерес в ней вызывала личность преступника, его мотивы. Что толкает человека переступить черту? Почему он решается нарушить закон? Откуда в нём берётся зло?

– Свет, надо определяться, – сказала я. – Ты где хочешь работать – на радио или в прокуратуре? Если на радио – оформи фиктивную практику, сделай свободное посещение в институте и работай спокойно.

Света энергично замотала головой.

– А если в прокуратуре, – подхватила Галяля, – тогда с радио пора завязывать.

– Не могу, – устало вздохнула Света.

Спустя несколько минут хождения по кругу, правда всё-таки вырвалась наружу. Нет, дело было не в любви к радио и не в мечтах о славе. Виной всему оказался звукорежиссёр Алексей, с которым Свете время от времени выпадало работать.

Галяля нахмурилась:

– Слушай, если ты уволишься, а он просто махнёт тебе на прощание, значит, никаких чувств у него и не было. А если ты ему нравишься – глядишь, шевелиться начнёт.

– В худшем случае, с глаз долой, из сердца вон! – подтвердила я.

Чтобы оттянуть момент принятия решения, Света выбрала компромисс – взяла отпуск.

Итак, Галяля укатила в родной Комсомольск, меня внезапно занесло за границу, а Светка осталась в Хабаровске, помогать следственному отделу.

Устроиться туда ей помог отец.

Борис Геннадьевич работал в медицинской экспертизе и, по роду службы, знал всех следователей. Буквально всех, без исключения. Именно поэтому он, человек с глубоким знанием изнанки профессии, так противился желанию дочери работать в следствии. Однако договориться о практике для Светы ему не составляло труда. Он легко мог устроить её в краевое управление, где работали над самыми громкими и резонансными делами. Или, наоборот, направить в один из неблагополучных районов, где жизнь, здоровье и половая неприкосновенность не особенно ценились. Но Борис Геннадьевич выбрал золотую середину – Центральный район, родной и знакомый. Всего восемьдесят три тысячи жителей на девять с половиной квадратных километров. И всё же район обеспечивал насыщенную практику: деревянные бараки и «заброшки», навечно застрявшие в правовом лимбе, частный сектор вдоль железнодорожной линии, пешеходная набережная, где жизнь кипела круглосуточно (и не всегда мирно), а также парк «Динамо» с его заросшими оврагами не давали следователям заскучать.

И вот Свете наконец-то дали прикоснуться к работе её мечты.

За положенные сто шестьдесят два часа она научилась мастерски прошивать дела, по перегару определять, что пил фигурант, и освоила лексику, за которую на радио увольняют без права на восстановление.

Света сопровождала выезды, присутствовала на допросах и всё глубже погружалась в реальность – не киношную с эстетикой нуара и интеллектуальными дуэлями, а гнетущую, безысходную, полную бессмысленного насилия.

Встретились мы уже в конце августа. За полтора месяца у всех накопились новости, но первой слово дали Светке.

Мы устроились на скамейке в парке и слушали её рассказ о практике.

– Я за месяц ни одного нормального человека не видела, – рассказывала она. – Только грязь, спившиеся лица, скандалы. И дети у всех. Смотришь на этих детей и у тебя внутри всё сжимается. Ходишь по бомжатникам, лазишь по оврагам... Запах потом не выветривается, как будто въелся. Хочется забраться в стиральную машинку вместе с одеждой. Я с ума сойду, если туда вернусь. И это – Центральный район. А что тогда в других?

Из Светиной сбивчивой речи становилось понятно: романтика следствия, которой она грезила, улетучилась за месяц.

– А ты чего ожидала? – не сдержалась Галяля. Я ткнула её локтем – могла бы проявить хоть каплю такта. – Хотела, как в детektивах? Интриги, хитроspлетения, разоблачения?

Света вздохнула:

– Я думала, будет аналитическая работа, доказывание... А тут, один собутыльник пырнул другого ножом по синей лавочке и сам же и вызвал милицию. Или хуже – попытался избавиться от трупа, – она махнула рукой. – Никакой аналитики, одни бумажки заполняешь.

Мы снова замолчали.

– А с радио-то что? – вспомнила я.

– Так я же уволилась, – сказала она и вдруг, совершенно не к месту, расплылась в улыбке.

– Ничего себе! – удивилась Галяля.

– Судя по тому, что она сияет, как начищенный самовар, – заметила я, – это ещё не все новости.

– Не все, – довольно кивнула Светка.

– Да ладно! – Галяля подскочила с места. – Звукорежиссёр?

– Да, звукорежиссёр, – подтвердила она. – Написал мне, когда я была на практике. Спрашивал, как дела, шутил, мол, всех ли я уже пересажала. Потом позвал гулять.

– И-и-и? – я тоже подскочила с лавки и замахала руками, как будто могла ускорить рассказ.

– И мы встречаемся! – выдохнула Света и спрятала лицо в ладонях.

Дальше мы с Галялей загалдели в два голоса:

– Ты спросила, почему он раньше тупил?

– Есть его фотка в телефоне?

– Почему ты с радио ушла?

– Расскажи всё по порядку!

– Да, мы хотим подробности!

P. S. Света тогда ещё не подозревала, что свою жизнь с уголовным правом она всё же свяжет.

История 4. Как мы раскрывали преступление

Часть 1. Не в своей тарелке

В кружок ораторского искусства мы записались на втором курсе исключительно с одной целью – избежать экзамена по конституционному праву. И то и другое вела одна преподавательница, Ирина Фёдоровна. Она, по слухам, ставила «автомат» самым успешным ораторам. Мы старались так усердно, что сбежать из кружка не удалось, даже получив вожаденное «отлично».

С началом весеннего семестра Ирина Фёдоровна с энтузиазмом принялась распахивать нас по всевозможным конкурсам, а на третьем курсе мы сами не заметили, как оказались в университетской команде по дебатам. Точнее, оказались только Галяля и я. Света к тому времени уже работала на радио и теперь злорадно посмеивалась над нашими мучениями.

– Дебатнудые! – ругалась Галяля. – «Давайте ещё разок пройдемся», – передразнила она Таню Кочергину, нашего капитана. – А ничего, что автобусы только до одиннадцати ходят?

– Просто Кочерга живёт в общежитии, ей наплевать на расписание транспорта, – вздохнула я.

В апреле в Иркутске должны были состояться межвузовские соревнования по дебатам, и, похоже, только мы с Галялей не хотели тренироваться от заката до рассвета.

– По-моему, вы свой «автомат» уже отработали и даже с переплатой, – заметила Света. – Конституционное право давно сдали, а вы до сих пор в ораторской кабале.

– Не забывай, что я с Фёдоровной в одном доме живу, – пробурчала Галяля. – Думаешь, так легко ей отказать? И вдруг она будет у нас в комиссии на защите диплома?

– Она, между прочим, до сих пор сокрушается, что ты нас бросила, – сказала я, глядя на Свету. – Променяла дебаты на славу радиоведущей!

– О да! – Света театрально вскинула руки к потолку, который мешал ей вознести их прямо к небесам. – Все, кто едет на работу к семи утра, знают мой голос! Ради этого стоило пожертвовать... – она задумалась, – ...всем!

– Вот видишь, не хватает тебе ораторского мастерства, – поддела я. – А если бы не бросила, то могла бы чётко сформулировать, чем именно: репутацией, уважением Фёдоровны, связями на кафедре.

Галяля многозначительно покрутила пальцем у виска и промолчала.

Всё пошло наперекосяк ещё в аэропорту, когда одна из участниц нашей команды появилась в зале за считанные минуты до конца регистрации. Потом выяснилось, что половина пассажирок рейса возвращалась с вахты, и, судя по стойкому амбре, «подготовилась» к полёту заранее. В салоне стоял такой запах, что при посадке стоило бы раздавать противогазы. Почти все они отключились, едва пристегнули ремни. Кроме одного. Мужчина, который сидел за Галялей, сначала весело трепался с соседями, затем принялся вслух разгадывать кроссворд, и – апогей наших страданий – снял ботинки и небрежно вытянул в проход ноги в носках. Ценители выдержанных французских сыров, пожалуй, оценили бы аромат.

После трёх с лишним часов в такой обстановочке мы мечтали только об одном – поскорее добраться до иркутского общежития. Но ехать пришлось с пересадкой, а при заселении нас сначала попытались распахать по разным этажам, потом предложили занять раскладушку в комнате у магаданцев. Оба варианта нас категорически не устраивали, о чём потерявшая терпение Галяля в твёрдой форме объявила всем присутствующим. Магия слов сработала – комендантша тут же вручила нам ключ от комнаты номер тридцать. В нашем полном распоря-

жении оказался трёхместный номер на втором этаже в самом конце коридора, такой огромный, что в нём без труда разместился бы целый взвод.

К вечеру жизнь в общежитии оживилась: участники обсуждали предстоящие дебаты, строили стратегии, спорили, делились мнениями. А мы собрали всю команду у себя в комнате для спиритического сеанса. Духи не пришли, зато вечер выдался куда веселее, чем если бы мы снова обсуждали тезисы.

Стоило нам улечься, как в дверь постучали.

– Я открою, – Галяля поднялась с кровати и включила свет.

Моя кровать стояла напротив двери, так что картину я наблюдала во всех красках. На Галяле была лёгкая пижама – топ на тонких бретельках и короткие шортики. Длинные чёрные волосы слегка растрепались и красиво ниспадали на грудь.

На пороге стоял Ренат, участник нашей команды от экономического факультета.

– Э-э-э... – замялся он. – Я вас, кажется, разбудил?

– Нет, – невозмутимо ответила Галяля. – Что-то случилось?

– Да... Похоже, я у вас часы забыл, – пробормотал он.

– Сейчас посмотрю, – она прошла вглубь комнаты, подняла со стола его наручные часы и молча протянула владельцу.

– Спасибо, – кивнул он.

Галяля без лишних слов захлопнула перед ним дверь.

Я захохотала в подушку:

– Жаль, он в моей подгруппе, а не в твоей. Эх, надо было мне ему дверь открыть.

Галяля вернулась в кровать, выключила свет и бросила:

– В твоей пижамке с «Хеллоу Китти» только Василька можно соблазнить.

Речь шла о Васе Ильине с факультета туризма, нашем милейшем и тишайшем товарище по команде.

– Он, кстати, в твоей подгруппе. Можно было бы договориться.

– О чём? – лениво переспросила Галяля. Но ответа уже не последовало, потому что я провалилась в сон.

Окончательно меня разбудило какое-то шуршание. До этого я разрывалась между желанием поспать и порывом встать, чтобы накинуть что-то потеплее. Но это упорное копошение в темноте всё же вынудило меня открыть глаза.

– Это ты? – прошептала я.

– А кто ещё? – раздражённо отозвалась подруга.

– Может, мыши, может, воры, – выдвинула я предположение.

– Мыши тут давно перемёрзли, походу.

– Так ты тоже замёрзла?

– Нет, Вишенка, я не замёрзла. Я задубела! Вот, колготки надеваю, – помахала она чем-то в темноте.

– Так заberi одеяло со свободной кровати. А я покрывало возьму.

Разделив трофеи, мы снова улеглись.

– Теперь ясно, почему нам комендантша так радостно сбaгрила эти апартаменты, – бурчала Галяля из-под вороха одеял. – Чтобы мы тут околели от холода и не возмущались.

Мы ещё немного пожаловались друг другу на холод и снова уснули.

Первый день дебатов открывался лекцией Григория Аркадьевича Глинина – человека, ратующего за создание дебат-клубов в университетах и бессменного организатора межвузовских прений. С Глининым мы имели честь познакомиться год назад, когда он возглавлял жюри ораторского конкурса. Очаровал он всех, даже Фёдоровна растаяла. Всех, кроме нас троих.

Между собой мы звали его «Гнилиным». Он был надменным и глубоко уверенным в собственной неотразимости, в общем, вызывал у нас стойкую антипатию.

– Нам очень повезло с модераторами, – шёпотом рассказывал Ренат. На церемонии открытия он сидел рядом с нами. – У Гали будет Роман Борисюк – просто молодец! У нас – Витя Старовойт. Самый молодой модератор, наша гордость! Хотя не все поддержали его назначение. Борисюк, например, считал, что у Вити недостаточно опыта.

– А это кто? – спросила я Рената, указывая на сидящего рядом с Борисюком молодого человека.

– Валера Белоусов из Владика, тоже модератор. Очень толковый парень.

Тем временем на сцену вышел Гнилин.

– Развитие – это не единичное, сиюминутное действие; это, как минимум, совокупность действий, выстроенных в единую логическую цепочку, где каждое следующее по своим качествам превосходит предыдущее, – начал он с пафосом.

Речь затянулась на двадцать минут, но зал, разумеется, аплодировал стоя.

Моя группа закончила прения около девяти вечера, и все заторопились на автобус-шаттл. Я забрала вещи в гардеробе и решила забежать в туалет. Ближайший оказался на этаж выше и в другом конце крыла, так что пришлось устроить короткий кросс. Когда я вернулась к выходу, автобуса уже не было.

Я бросилась обратно к аудиториям, но застала там только Старовойта и Кочергину.

– Не может быть! – воскликнула Кочерга, и её крик эхом разнёсся по пустому коридору.

– Таня, тише. Это пока секрет! – зашикал на неё Старовойт.

– А кто тебе сказал?

– Белоусов.

– Таня! – подбежала я к Кочерге. – Ты видела кого-нибудь из наших?

Кочергина и Старовойт растерянно посмотрели на меня.

– Все уже ушли, – пожал плечами Витя.

– А автобус?..

– Ничего не знаю. По-моему, дебаты закончились у всех.

Я тихо выругалась и отошла в сторону, в который раз безуспешно пытаюсь дозвониться хоть кому-нибудь.

– Значит, ты или Борисюк? – услышала я краем уха Кочергу.

– Пойдём лучше в аудиторию, – перебил её Старовойт.

Мне до их разговора не было абсолютно никакого дела. В голове промелькнула мысль: что они делают здесь, если все разъехались, и как сами собираются возвращаться в общежитие? Но догонять их я не стала, а поплелась обратно вниз, к выходу.

Общежитие находилось на улице Маяковского, рядом с парком Парижской Коммуны. Водители маршруток словно впервые слышали это название, но в итоге я доехала до начала улицы. Остальные три квартала до общежития пришлось пройти пешком.

Уже стемнело, а райончик для вечерних прогулок был не самый подходящий: ни одного фонаря, только свет из окон домов по правую сторону улицы и мрачная чаща парка по левую. Изредка попадались пешеходы, проезжали машины, но это лишь усиливало тревогу – затащат в парк, и никто не узнает, где искать моё брненное тело.

Подгоняемая страхом, я домчалась до общежития за пять минут. Мне не терпелось рассказать о своих злоключениях, но наша комната оказалась пуста.

Подруга вернулась через четверть часа.

– Капец! – выдохнула она вместо приветствия. – Я больше с ними не выдержу! Они все дебатнутые! Один Василёк вменяемый. Все разъехались, а мы продолжали заседать.

– Так вы заседали?! – ахнула я.

Галя приняла моё возмущение за сопереживание:

– Ну да! Борисюк даже список выступающих сократил. И, естественно, я туда не попала.

– Ты на чём добралась?

– На шатгле, конечно, – бросила Галяля.

Теперь настал мой черед жаловаться. Выслушав мой рассказ, подруга воскликнула:

– Да не может быть, чтобы Старовойт и Кочерга не знали, что мы ещё заседаем!

– Вот-вот! Зла на них нет! Я, чтобы отвлечься, собрала нам пакеты для душа и заняла очередь. Надо спуститься, вдруг уже пора.

Душ всё ещё был занят.

– Мужской свободен, – сообщила одна из девушек в очереди. – Кто смелый?

Ожидающие начали отнекиваться, а мы с Галялей переглянулись.

– Должна же быть хоть какая-то компенсация за весь этот стресс, – махнула рукой Галяля и открыла дверь.

– Ничего себе у них условия! – удивилась я. – Две кабинки, а не три... И вешалки есть!

– Смотри, кто-то забыл, – сказала Галяля, указывая на стоящий в углу пластиковый стул, на котором покоились семейные трусы и пара носков.

– Могут вернуться. Давай быстрее мыться.

Когда мы, две обнаглевшие представительницы женского пола, вышли из мужской душевой, у двери нас поджидали недовольные стражи гендерной справедливости – Данил и Миша Зюзин, наши сокомандники.

– Может, вы ещё к нам в комнату переедите? – съязвил Миша.

– Может быть, и переедем, – не растерялась Галяля. – У вас, по-любому, теплее.

– И душ у них комфортабельнее, и комнаты теплее, – демонстративно ворчала я, поднимаясь по лестнице. – Повсюду дискриминация!

Мы сидели у себя в комнате за столом и ужинали.

– Знаешь, – сказала Галяля, – когда я увидела в душе те трусы, почему-то подумала, что они Борисюка.

– Я тоже! Представляешь, только взглянула и сразу подумала – Борисюк забыл. Наверное, потому, что вчера он на наших глазах выходил из душевой.

– Мне ещё кажется, что он обязан носить именно такие трусы! Все ведь носят разные. Борисюк – именно такие.

– Да! Они ему очень подходят. Я буквально вижу его в этих трусах.

– Точно. Прямо перед глазами стоит.

Мы уставились на дверь, как будто там и правда стоял Борисюк – худой, продрогший, в тёмно-синих семейниках с мелким рисунком и в носках. Стоит себе у шкафа, сложив руки на груди, и ждёт, когда его, наконец, отпустят. Ладно, иди, Борисюк, а то совсем замёрзнешь.

Как раз в тот момент в дверь постучали. Это был Матвей, ещё один участник нашей университетской команды. Он выпил с нами чаю, пожаловался на ход дебатов, а потом спросил:

– Вы не помните, зачем я пришёл?

– Ты не говорил, – ответила Галяля.

– Ладно, пойду. Вспомню – вернусь.

После ужина мы заглянули в соседнюю комнату, к нашим товарищам по команде – Данилу, Мише и Косте, и застали у них Рената.

– О, Ренат! Я тебе звонила после дебатов... – начала я, но тут из коридора донёсся женский вопль.

Мы дружно выскочили из комнаты и тут же столкнулись с Вадимом из команды Владивостока, который мчался по коридору.

– Что случилось? – спросил Данил.

– Борисюк в душе, – отмахнулся Вадим и побежал дальше к комнате комендантши.
– И что с того? – не понял Ренат.
– Он ведь уже помылся, – сказала я.
– В душе нет горячей воды, – заметил Зюзин.
– Как нет? Мы же мылись, – удивилась Галяля.
– Вот после вас её и нет! – мрачно бросил Данил. – Мы уже мылись в холодной.
– Я, конечно, могу ошибаться, – осторожно начал Костя, – но, по-моему, внизу что-то случилось. Может, стоит спуститься?

Снизу и правда доносилось рыдание. Плакала Оксана из владивостокской команды, а девочка из Магадана пыталась подсунуть ей под нос стакан с водой.

– Что случилось? – крикнула Лиза.

– В душе валяется Борисюк с проломленной башкой! – выпалил Вадим, отчего Оксана завывала пуще прежнего.

Через толпу протиснулась комендантша и громко скомандовала:

– Все по комнатам! Сейчас приедет «скорая». Нечего тут топтаться!

Народ начал расходиться. Мы тоже вернулись к себе в комнату.

– Надо же... в душе, где мы недавно мылись, – вздохнула я. – А если бы мы оказались на его месте? Видела, как там скользко – вода кругом, пол плиточный. Одно неловкое движение – поскользнулся и упал.

– Зачем он вообще пошёл в душ второй раз? – спросила Галяля.

– Как зачем? За трусами, конечно.

– Но мы же сами придумали, что они его.

– Так именно из-за трусов мы и решили, что он уже мылся, – нахмурилась я. – А если трусы не его, то неизвестно, мылся он сегодня или нет. Может, именно за этим он и пошёл в душ.

Мы молча переглянулись.

– Чьи тогда трусы? – задумалась Галяля.

В дверь постучали. Лиза сообщила, что Борисюка увезли в больницу.

– Может, дебаты всё-таки отменят? – с надеждой в голосе спросила Галяля.

– Давай зайдём к нашим. Они уже наверняка что-то знают.

Внизу снова собралась толпа любопытствующих. В центре внимания оказался Вадим. Он взволнованно рассказывал, что Борисюк лежал без сознания в душевой.

– Полностью одетый, – пояснил он в ответ на чей-то ехидный смешок. – И без банных принадлежностей.

По коридору как раз проходила Оксана. Увидев застывшего в дверях Вадима, она решила посмотреть, что произошло. Ей и принадлежал жуткий вопль, который мы слышали с верхнего этажа. Он же вывел Вадима из оцепенения, и тот бросился звонить в скорую.

Когда мы уже лежали в постелях, позвонила Таня Кочергина и сказала, что соревнования продолжатся. Дебаты начнутся, как обычно, в восемь.

На часах было два ночи.

Часть 2. Грязное бельё

Место модератора в Галиной группе заняла какая-то девушка – её имени Галяля не запомнила.

После обеда в расписании значилась лекция Гнилина. Мы устроились на последнем ряду, чтобы поболтать без свидетелей.

– Что у вас говорят? – поинтересовалась я.

– Сказали, что у Борисюка сотрясение. В ближайшее время его из больницы не выпустят. Все сочувствуют, ругают общежитие, не понимают, как такое произошло.

– А прикинь, если он не сам поскользнулся, а его кто-то нарочно толкнул? – предположила я.

Галяля скривилась:

– И кому он помешал?

– Сама говоришь, тут все очень амбициозные...

– Так участники же, а не модераторы.

– Модераторы – тоже бывшие участники, – не унималась я. – Кто знает, какие у них интриги.

Галяля зевнула, прикрыв рот рукой:

– А-а-а... А что, было бы забавно. Преступление в дебат-клубе. Это добавляет остроты. Только кто?

– Надо восстановить хронологию, – предложила я. – Вот ты когда в последний раз видела Борисюка?

– После дебатов, – сходу ответила Галяля. – Мы в одном автобусе возвращались.

Я задумалась:

– Когда мы пришли, мужской душ был свободен... Не мог Борисюк побывать там до нас! Слишком быстро.

– Точно, – согласилась Галяля. – Не мог же он сразу с порога кинуться в душ и исчезнуть до нашего появления.

Мы помолчали.

– Получается, трусы не его, – вздохнула Галяля.

– А может, он их оставил там ещё накануне? – не унималась я. – Вот и мотив: кто-то позарился на трусы, а хозяин отказался их отдавать. Завязалась потасовка, Борисюк поскользнулся на мокром полу, упал...

– Кстати, – оживилась Галяля, – ты слышала, что сказал Вадим?

– Что?

– Я только сейчас вспомнила! Он сказал, что Борисюк был одет и без пакета!

– Вот же! – воскликнула я. Видимо, мой голос прозвучал слишком громко. Кто-то даже обернулся. Однако возглас приняли за эмоциональное согласие с оратором. – Вспомнил, что накануне забыл трусы в душе, и вернулся их забрать, – прошептала я осторожно.

– А может, наоборот, кто-то другой забыл в душе трусы, вернулся за ними и застал Борисюка...

– ...не удержался и толкнул его! – подхватила я. – Надо всё-таки вспомнить, кто чем занимался вчера вечером.

– Ренат отпадает, – начала Галяля. – Что? – закатила она глаза в ответ на мою ехидную улыбку. – Он же был с нами, когда мы услышали крик Оксаны.

– Тогда отпадают ещё Данил, Зюзин и Костя.

– Матвей? – предложила Галяля. – Он живёт с этой троицей, но в комнате его как раз не было. Мог сначала зайти к нам, потом по лестнице спуститься в душ и расправиться с Борисюком.

– Подходит, – кивнула я. – Ещё Вадим. Он же нашёл Борисюка. Очень удобно, не находишь? Мог сам его толкнуть, а потом притвориться, что просто мимо проходил.

– Только какой мотив у Вадима? Он в моей группе один из лидеров. И с Борисюком у него хорошие отношения. Не в его интересах срывать дебаты.

– А в чьих? – спросила я.

– В моих, – развела руками Галяля. – Если только кто-то решил устранить Борисюка ради меня?

– У Рената алиби, – напомнила я.

– Привязалась ты ко мне с этим Ренатом! Тогда уж это мог быть Василёк. Он единственный в подгруппе, кто меня поддерживает. Да он и сам не блещет... Ты заметила, какой он сегодня вялый и шуганный? Возможно, надеялся, что после нападения дебаты отменят, а тут такой облом.

– Но смог бы он толкнуть Борисюка? Они одного роста, но Борисюк – покрепче.

– Не забывай про скользкий пол, – напомнила Галяля.

– А у Василька есть алиби? У Матвея – нет. Но какой мотив?

Мы задумались.

– Что-то личное? – предположила Галяля.

Я покачала головой:

– Они с Борисюком как будто на разных орбитах.

Повисла пауза.

– А как преступник узнал, что Борисюк в душе? – спросила Галяля.

– Понятия не имею... Мы с тобой всё делаем неправильно. Хаотично. Нужен лист и ручка.

Следующий час мы методично записывали мотивы каждого. Естественно, один абсурднее другого. Помимо трусов и желания сорвать дебаты, в списке фигурировали высмеивание речи участника, тайная влюблённость в девушку Борисюка, бытовое раздражение, зависть и ещё с десятков причин. Собственно, этот полёт фантазии пришлось прервать, поскольку закончилась лекция Гнилины и пора было расходиться по кабинетам.

Напоследок мы с сожалением признали, что самого Гнилины в список подозреваемых не впишешь, так как в общежитие он не заезжал. Версию с проникновением в душ через окно мы тоже отбросили – уж больно корпулентным был наш гуру для подобных акробатических номеров.

В этот раз из университета мы добрались без приключений.

Неприятный сюрприз ожидал нас в комнате – батарея была чуть тёплая.

– С таким ветром мы ночью точно окоченеем, – нахмурилась Галяля. Она ощупывала батарею, словно ожидая, что та потеплеет.

Вдруг меня осенила идея:

– Слушай! Давай заберём одеяло Борисюка!

Воодушевлённые, мы бросились в его комнату.

Дверь открыл Старовойт.

– У вас ведь есть свободная кровать? – сходу выпалила я, не то спрашивая, не то утверждая.

Заслуженный оратор и победитель прошлогодних прений на секунду лишился дара речи – видно, такого поворота он не ожидал – но всё же сделал приглашающий жест.

Заметив его замешательство, я поспешила пояснить:

– Мы хотим взять одеяло Борисюка. У нас жутко холодно, а он всё равно пока в больнице. Из глубины комнаты подал голос Ренат, явно наслаждаясь разыгравшейся сценой:

– Да ладно! Просто скажите, что вам трёх кроватей на двоих мало! А Борисюк жил в двадцать восьмой.

Мы извинились за беспокойство и удалились.

В соседней комнате нам без лишних вопросов выдали одеяло. Золотые люди!

Из-за событий прошлой ночи мы жутко не выспались и решили лечь спать пораньше. Только я начала засыпать, как в коридоре раздались голоса. Кто-то ругался.

– С ума посходили! – разозлилась подруга. – То дебаты под дверью обсуждают, то выясняют отношения.

Пришлось встать и осторожно приоткрыть дверь.

– Да какое тебе дело? Ну были они там, и что? – раздался раздражённый голос.

– Зюзин, – шепнула мне Галяля.

Ответом было невнятное бормотание.

– Кто докажет?

Опять бормотание, и голос Зюзина:

– Тебе какое дело?

Мне порядком надоело это представление. Я распахнула дверь и вышла из комнаты. В коридоре стояли Зюзин и Василёк.

– Можно потише? – вежливо, но твёрдо спросила я. – Вы здесь не одни, между прочим.

– Каждую ночь под дверью базарят! – возмутилась Галяля.

Василёк сразу принялся извиняться, но Зюзин перебил его:

– Девочки, давайте спокойно. Я тоже могу быть грубым, могу кричать...

Я поняла, что Зюзин пьян. Продолжать разговор смысла не было, и я вернулась в комнату. Галяля ещё немного с ним попрепиралась, прежде чем захлопнуть дверь.

– Ещё и на Василька наезжает! Хамло! – проворчала она, прячась под одеяла.

Утром Василёк поджидал нас в коридоре возле гардероба, чтобы извиниться.

– Что у вас за разборка была вчера? – поинтересовалась Галяля.

Василёк промямлил:

– Да ничего, в общем-то, такого... Я хотел как лучше, а он не понял. А может, просто не поверил. Но он тоже прав. Не стоило мне совать нос в чужие дела.

Ничего непонятно, но ужасно интересно!

– Так что там? – конспиративно прошептала я.

– Вася, мы – никому, – заверила Галяля.

Он огляделся. Коридор опустел: все уже сдали вещи и разошлись по аудиториям.

– В тот вечер, когда Борисюк поскользнулся в душе, – Василёк замялся, – он вовсе не мыться шёл. У него была встреча. Тайная встреча.

– В душе? – не поверила своим ушам Галяля.

– Да. Я как раз хотел занять очередь и увидел, как она выходит.

– Кто? – спросили мы в один голос.

– Лиза, – прошептал Василёк.

Вот это номер! Лиза ведь была девушкой Зюзина. Мы переглянулись.

– Как же она тебя не заметила? – спросила я.

– Я спрятался, – признался он, – за поворотом, там, где несколько комнат. Вчера я рассказал обо всём Зюзину. Долго сомневался, но потом решил рассказать. Если бы моя девушка мне изменила – я бы предпочёл знать. А он мне не поверил, – Василёк тяжело вздохнул.

Когда мы поднялись наверх, возле аудитории, где заседала моя подгруппа, уже собралась приличная толпа.

– Это ещё что такое? – пробормотала я.

Мы поспешили вперёд.

– Что случилось? – дёрнула я за рукав Данила.

– Как что? – удивился он. – Вы где ходите?

– Здесь были, – неопределённо ответила Галяля. – А что происходит?

– Решают, что делать. Надо подводить итоги, а Старовойта нет.

– Как это нет? – возмутилась я. – Он же ехал...

Я осеклась: действительно, я его сегодня не видела.

В этот момент в коридоре появился сам Гнилин и велел всем разойтись по аудиториям. Оставил только капитанов и модераторов и заперся с ними в одном из кабинетов.

Расходиться никто не спешил. Все разбились на компании и полусшёпотом обсуждали происходящее.

Подробности мы узнали только перед обедом.

На правах капитана Кочерга собрала всю нашу команду в пустой аудитории. Дождавшись, пока все сядут, она объявила:

– Мне сказали, что в этом нет необходимости, но я всё-таки решила рассказать вам кое-что важное. Лучше вы узнаете это от меня, чем...

– Где-то за гаражами от мальчишек, – шепнул Данил.

Мы хихикнули.

– ...чем будете полагаться на непроверенные слухи, – лицо её было серьёзным, почти каменным.

Впервые я слушала её с таким вниманием. Что же произошло?

– Речь пойдёт о Романе Борисюке.

– Таня, подожди! – перебила её Лиза, вставая с места. – Мы хотим сделать заявление!

Не дожидаясь реакции Кочергиной, она взяла за руку Зюзина и вывела его к доске.

– Да что же это творится! – прошептала я.

– Они сейчас объявят, что у них отношения втроём? – предположила Галяля.

Лиза заговорила сдержанно, с робкой, почти извиняющейся улыбкой:

– Мне довелось услышать некоторые детали истории, которую сейчас собирается рассказать Таня. Более того, нашёлся человек, волею случая ставший свидетелем... неоднозначных обстоятельств. Поэтому, чтобы избежать кривотолков и сохранить добрую репутацию – и свою, и Мишину – я сочла необходимым выступить и изложить ситуацию с максимальной степенью достоверности.

Мы слушали Лизу, затаив дыхание.

– В тот вечер у меня состоялась встреча с Романом Борисюком. Необходимо было провести её незаметно, а Миша как раз упомянул, что в душевой закончилась горячая вода. Потому я предложила встретиться именно там. Сейчас я уже могу говорить об этом открыто. Рома помог мне выбрать подарок ко дню рождения Миши. Речь шла о компьютерной игре, а Рома был прекрасно осведомлён о Мишиных предпочтениях, – она бросила короткий взгляд на Зюзина и тепло улыбнулась. – Я искренне надеюсь, что представленные факты помогут устранить недоумения и сохранить доверие, столь важное для всех нас.

В аудитории повисла тишина.

– Это всё? – спросила ошарашенная Кочерга.

– Всё, – кивнула Лиза, и они с Зюзиным вернулись на свои места.

– Напустили туману, а в итоге... – фыркнула Галяля, явно разочарованная такой банальной развязкой. – Игру и на кухне можно было выбрать. Развели тайны Мадридского двора!

Кочерга оглядела зал и продолжила:

– Итак, сегодня наш коллега по клубу, модератор и победитель прошлогоднего сезона дебатов Виктор Старовойт отсутствовал на заседании. В данный момент он находится в отделении милиции в связи с заявлением, поданным Романом Борисюком. Последний утверждает, что Виктор применил к нему физическое воздействие, выразившееся в преднамеренном толчке.

По аудитории пронёсся взволнованный гул.

– Мы рассматривали такой вариант? – спросила меня Галяля.

Я кивнула:

– Якобы Борисюк спер у Старовойта еду из общего холодильника.

– А почему? – выкрикнул Ренат.

– Если вы замолчите, я продолжу, – строго сказала Таня.

Шум тут же стих.

– Согласно имеющейся информации, в тот вечер Виктор спустился на первый этаж и стал случайным свидетелем того, как Лиза вышла из мужской душевой, прикрыв за собой дверь. За несколько минут до этого он разговаривал с Мишей Зюзиным, и знал, что тот не мог находиться в душевой в момент появления Лизы. Это обстоятельство пробудило в нём естественное любопытство, и он решил заглянуть внутрь. В душевой он обнаружил Романа. Между ними состоялся напряжённый разговор, в ходе которого Виктор озвучил накопившиеся претензии, касающиеся как неоднозначного характера общения с девушкой, состоящей в отношениях, так и пренебрежения к деятельности самого Старовойта. Напомню, что Борисюк неоднократно позволял себе язвительные замечания в адрес Виктора, в том числе в присутствии Григория Аркадьевича Глинина. Диалог не сложился. Борисюк, в привычной для себя манере, предпочёл уклониться от серьёзного разговора, отделившись шутками. Виктор не сумел справиться с эмоциями и толкнул Романа. Пол в душевой, как известно, был мокрым и крайне скользким. В результате Рома потерял равновесие и упал. А Виктор, к сожалению, не оказал ему помощи и поспешно покинул место происшествия.

Мы ещё долго не могли прийти в себя. Даже в актовом зале перед церемонией закрытия все продолжали перешёптываться и перебирать детали.

– Как такое могло произойти... – качал головой Данил.

– Мне до сих пор кажется, что это финальный розыгрыш, – не верил Матвей.

– Таня говорила, что в следующем году председателем комиссии хотели назначить либо Борисюка, либо Старовойта, – заметил Данил. – Было бы круто стать самым молодым председателем.

– Подожди, почему Таня решила, что Борисюка собирались назначить председателем? – удивился Ренат.

– Ей по секрету сказал сам Старовойт. А ему – Белоусов. В первый день дебатов.

Тут я вспомнила секретный разговор Кочерги и Старовойта, свидетелем которого случайно стала.

– Кажется, я слышала, как Старовойт рассказывал Тане что-то в этом духе. Только тогда не придавала значения его словам.

– Ерунда, – покачал головой Ренат. – Выбирали между Белоусовым и Старовойтом. Про Рому даже речи не было. У меня источники надёжные! – добавил он с важным видом.

И всё же дебаты подошли к концу. На церемонии закрытия нам объявили имя следующего председателя. Им стал Валерий Белоусов.

Вечером, собирая вещи, мы с Галялей обсуждали события дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.